

М. А. АРЕФЬЕВ, А. Г. ДАВЫДЕНКОВА

Философская антропология и антитеологизм

М. А. Бакунина

Формирование анархистской доктрины М. А. Бакунина сопровождалось построением развернутой системы философской антропологии как учения о человеке и обществе. Его антропология теснейшим образом смыкалась с учением об антитеологизме как философской критики религии и деятельности церкви. Если учение об анархии играло роль антитезиса (тезисом у него выступала идея государственности), то антитеологизм выступал антиподом религии и представлял собой попытку разрушить духовно-нравственный авторитет церкви. Для Бакунина государство — это «младший брат» церкви, поскольку их общим основанием является идея Бога. Следовательно, объектом теоретической критики в первую очередь стала религиозная идея, но, как утверждал Бакунин, исчезновение божественных призраков явится необходимым условием торжества человечности, свободы личности, освобождения человеческого духа. Антитеологизм в учении М. А. Бакунина становится неотъемлемой чертой его философской антропологии.

Свой труд об антитеологизме Бакунин начинает словами: «Мы убеждены, что в мире не произошло ни одного крупного политического и социального явления, которое бы не сопровождалось, а зачастую и предварялось, аналогичным движением в философских и религиозных идеях, управляющих сознанием как индивидов, так и Общества»*. Антитеологизм Бакунина включает в себя как анализ гносеологических и социально-исторических предпосылок возникновения веры в сверхъестественное, так и вопрос об исто-

* Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 43.

рической необходимости возникновения религии, ее социальной роли и современного состояния. Антитеологизм предполагает также выяснение антропоморфной природы различных форм религии, от ранних, первобытных — до религий космополитичных, мировых. Такой анализ проводится Бакуниным в рамках общего исследования проблемы «религия — культура». При этом ключевым становится для русского анархиста вопрос о месте церкви и ее структур в политической культуре и организации власти.

Проблема политической культуры как общественного феномена, который включает в себя, с одной стороны, бытие человеческого духа в сфере политики и политических отношений, а с другой — отношение человека к власти и государству, являлась важной частью учения Бакунина в целом. Духовная сущность человека выступает в его концепции как единство многомерности человеческого существования, а ее важнейшим фактором и служит антитеологизм, то есть свобода человеческого духа в делах веры, религиозном вопросе. Религия имеет, по Бакунину, свой начальный источник в животной жизни. Он придерживался точки зрения, в целом господствовавшей в русском светском религиоведении, о земных, естественных причинах происхождения религии. Квалифицируя религию как порождение «верующей и легковерной фантазии человека, еще не достигшего уровня чистой рефлексии и свободной, основанной на науке мысли», русский социальный философ пытался решить вопрос о причинах возникновения этой специфической формы общественного сознания. Интересовала его в этой связи и способность религии к трансформации, взаимовлияние различных форм религиозных верований. Общей их чертой он полагал безусловную и бездоказательную веру в существование сверхъестественного, недаром столь часто в своих религиоведческих трудах он цитировал знаменитое высказывание одного из отцов христианской церкви Тертуллиана¹ «Верю, ибо нелепо». Правда, следует отметить, что известное «Credo, quia absurdum» лишь схематично передает мысль Тертуллиана. Подлинное же изречение гласит: «Что умер Сын Божий, это достоверно, потому что нелепо; что Он, погребенный, воскрес, несомненно, потому что это невозможно»*.

Исходя из представлений об естественном (животном, природном) начале религии, Бакунин находит ее материальные элементы в институтах самосохранения, присущих как миру животных, так и сообществам людей. Для животного, равно как и для человека, из всех инстинктов важнейшим является чувство страха. Страх — это «своего рода обычная мудрость», это способ самосохранения, а значит и вы-

* Цит. по: *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. М., 1990. С. 638.

живания. Следовательно, чувство страха дает начало мудрости, то есть религии. «Этот страх, — пишет Бакунин, — страх Бога, как сказали бы теологи, есть начало мудрости, т. е. религии. Но у животных он не становится религией, ибо им не достает той способности мыслить, которая фиксирует чувство, определяет его объект и превращает его в сознание, мысль. Таким образом, совершенно справедливо утверждают, что человек по природе религиозен; он религиозен подобно всем другим животным — но он один на этой земле осознает свою религиозность»*. Животность, следовательно, выступает у Бакунина основой всякой общности, на ней же базируется и религиозное чувство.

В своей работе «Бог и государство» Бакунин особо подчеркивает этот момент основательности природного по отношению к социальному. Он определяет «социальное» как постепенное освобождение от зоологических начал, как рост человечности, нравственности и интеллекта. «Социальный мир, — пишет он, — собственно говоря, человеческий мир или человечество — есть ничто иное как высшее развитие, высшее проявление животного мира, по крайней мере, на нашей планете, поскольку мы знаем. Но так как всякий процесс развития приводит в конце концов к логическому отрицанию своих основных предпосылок, то и развитие человечества есть последовательное и неуклонное освобождение от элементов животности. Именно в процессе этой эволюции от животного к человеческому, как единственное и логически и исторически необходимое следствие, и возникает мир идей, мир интеллектуальных и нравственных убеждений, — создаются руководящие идеалы»**. Бакунин с его верой в торжество рационального начала над иррациональным, убежденностью в мощи человеческого разума — по праву среди тех, кого принято называть «просветителями». И хотя вера во всемогущество науки, рационального знания сейчас подвергается серьезнейшему испытанию, приверженность Бакунина интеллекту в противоположность сверхрациональному и сверхчувственному по-прежнему вызывает симпатии.

Для сравнения отметим, что в истории российской духовной культуры была и другая линия, исходившая из идеи гармонии, примирения религиозной веры и человеческого разума. В частности, идею слияния границы знания и веры обосновывал позднее П. А. Флоренский² в своих письмах. В «Письме третьем: Триединство» он писал: «Верю вопреки стонам рассудка, верю именно потому, что в самой враждебности рассудка к вере моей усматриваю залог чего-то нового, чего-то неслыханного и высшего. Я не спущусь в ни-

* Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. С. 63.

** Бакунин М. Бог и государство. М.; Пг., 1918. С. 9–10.

зины рассудка, какими бы страхами он не запугивал меня. Я видел уже, что оставаясь при рассудке я гибну в ελοχί (одно из центральных понятий в философии Пиррона, основателя античного скептицизма, обозначающее «остановку мышления» или «воздержание от всякого высказывания. — М. А., А. Д.); я хочу быть теперь безрассудным <...> Затем, поднявшись на новую ступень, обеспечив себе невозможность соскользнуть на рассудочную плоскость, я говорю себе: Теперь я верю и надеюсь понять то, во что я верю. Теперь бесконечное и вечное я не превращу в конечное и временное, высшее единство не распадается у меня на несовместимые моменты. Теперь я вижу, что вера моя есть источник высшего разумения, и что в ней рассудок получает себе глубину. И, отдыхая от пережитой трудности, я, спокойно, повторяю за Ансельмом Кентерберийским³: “credo ut intelligam”. Сперва мне казалось, будто я нечто “знаю”; после перелома стал “верить”. Теперь же знаю, потому что верю»*.

Проблема происхождения чувства рассматривалась Бакуниным и в плане историко-гносеологическом. Вера в сверхъестественное выступает в таком случае как продукт способности человека к абстрактному мышлению. Религия возникает на стыке этой способности человека с присущим ему чувством воображения, фантазии как одного из природных инстинктов. Все боги, утверждает русский философ, обязаны своим появлением живому чувству воображения, игре воображения, его способности к отражению реальности, как впрочем в равной степени и к ее, «якобы реальности», созданию. Понятие бога — это абсолютная абстракция, писал Бакунин, это продукт человеческой мысли, освобожденный от всякого действительного содержания, превращенный в абсолютный мир, в «полнейшее небытие» или в единственное и Высшее Существо, Бога.

Религия по своей природе антропоморфна. Человек наделяет объекты природы, элементы человеческой психики и сознания качествами, им не свойственными. Поэтому первичной формой религии в истории выступает фетишизм. Религиозные чувства и представления древнего человека, по мысли Бакунина, чрезвычайно разнообразны. Они так же разнообразны, как разнообразны были условия жизни и «характер первобытных народностей». Однако они должны были сводиться к некоторым общим моментам. Вычленивая в современных религиях эти моменты общности и редуцируя их на историческое прошлое, русский философ-религиовед приходит к выводу, что фетишизм должен быть самой первой религией всех диких

* *Флоренский П. А.* Столп и утверждение истины. М., 1990. С. 61–62.

племен, которые в наименьшей степени удалились от естественного состояния. Но фетишизм — не что иное, как религия страха»*.

Фетишизм, по Бакунину, возникает из чувства общности древнего человека с природой, их органического единства, нерасчлененного и очевидного, из-подавления человека всемогуществом естественных сил и явлений. Это всемогущество природы становится предметом непосредственной рефлексии человека, отражается им и сосредоточивается в каком-либо материальном предмете. Поэтому фетишизм по сути своей выступает первым собственно человеческим выражением абсолютной зависимости человека от природы, порождается этой зависимостью. Вслед за фетишизмом, или одновременно с ним, считает Бакунин, появляются культ колдунов, вера в магию, разворачивается мозаика той огромной социокультурной картины, что принято называть религией, верой в бога.

Человек приписывает богу, который как абсолют лишен всякого содержания и атрибутов, те качества и силы, которые он сам открывает в себе или в окружающем мире. Религиозное небо, говорит Бакунин, «есть ни что иное, как мираж, в котором экзальтированный невежеством и верой человек находит свое собственное изображение, но увеличенное и опрокинутое, то есть обожествленное»**. А понятие Бог, возникшее путем абстрагирования от отдельных вещей и явлений, пишет он, есть «неограниченный грабитель, и так как антропоморфизм составляет саму сущность всякой религии, небо, местопребывание бессмертных богов, является просто кривым зеркалом, которое посылает верующему человеку его собственное отражение в перевернутом и увеличенном виде»***.

По Бакунину, религия выступает необходимым элементом развития социума, поскольку является важнейшим средством преодоления животного начала в человечестве, его обуздания. Вслед за Л. Фейербахом он утверждает, что религия выступает и неотъемлемой частью человеческой культуры, ибо она содержит в себе первое проявление человеческой морали, несет с собой нравственные нормы, представления о добре и зле, справедливости и праве. В контексте эволюции мировой культуры история религии является по праву историей развития коллективного ума и сознания людей, отражением общечеловеческой истории. Отсюда — наиболее известное определение

* Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 65.

** Бакунин М. Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов // Избранные сочинения: В 5 т. М., 1919. Т. II. С. 159.

*** Философия. Социология. Политика. С. 82.

религии, данное Бакуниным. Он пишет: «Религия <...> — это первое пробуждение человеческого разума в форме божественного неразумия; это первый проблеск человеческой истины сквозь божественные покровы лжи; это первое проявление человеческой морали, справедливости и права сквозь исторические несправедности божественной благодати; наконец, это первый опыт свободы <...>»*.

Однако религия порождает социальные институты, которые совершенно неприемлемы для русского анархиста, она санкционирует церковь и государство. «Перед божественным разумом, — пишет Бакунин, — разум человеческий и перед справедливостью Бога земная справедливость — ничто. Рабы Бога, люди, должны быть рабами и Церкви и Государства, поскольку оно освящено церковью»**. Церковь и государство имеют двойственный характер: с одной стороны, они порождаются божественными установлениями, а с другой, они по природе своей человечны, общественны. В обоих случаях и церковь и государство опираются на силу авторитета, власти, влияния, престижа. Поэтому принцип антиавторитаризма, используемый Бакуниным для разрушения абсолютного авторитета бога, церкви, государства и их структур, естественно соединялся с его концепцией антитеологизма.

Церковь в глазах Бакунина не только способствовала созданию государства и его властных институтов, но и постоянно оправдывала их деятельность. Она являлась таким общественным учреждением, которое символизировало собой социальную несправедливость. Антиклерикализм Бакунина в известном смысле был историческим и логическим продолжением антидогматических настроений, характерных для древних русских ересей, религиозного антиэтатизма. Для идеолога анархо-коллективизма структуры церкви, и в первую очередь структуры властно-силовые — это естественные союзники тирании, за исключением тех из числа служителей церкви, кто подвергался гонениям со стороны централизованного государства. Но даже эти последние, гонимые, с его точки зрения, объективно поддерживали тирана, когда учили необходимости ограничить свободу воли индивида в пользу божества. «Мир реакции, — говорил Бакунин, — защищается именем Бога, царство божие на небесах с соответствующим ему явным или замаскированным царством кнута и законенной эксплуатацией труда поработченных масс на земле —

* Бакунин М. А. Федерализм, социализм и антитеологизм // *Философия. Социология. Политика*. С. 83.

** Бакунин М. Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов // *Избранные сочинения*. Т. II. С. 160.

таков сегодня религиозный, социальный, политический и вполне логичный идеал реакционных партий в Европе»*.

«Царство кнута» — это и российский самодержавный деспотизм, поддерживаемый православной церковью. М. А. Бакунин, Л. Н. Толстой, П. А. Кропоткин, П. Л. Лавров и другие деятели русского анархизма и народничества указывали на те главные линии внутренней связи, которые существовали между самодержавием и церковью:

Во-первых, церковь учила своих прихожан слепо верить в божественное происхождение власти государя. Все законы и всякая установленная власть, по ее учению, освящены небом и им должно всегда и везде слепо повиноваться.

Во-вторых, служители церкви декларировали, что государи не имеют никаких обязательств по отношению к своим подданным — ни политических, ни нравственных. Они якобы ответственны за свои деяния лишь перед «небесным государем».

В-третьих, клирики провозгласили царей земными богами. В обожествлении монархии церковь видела свою политическую роль в обществе. Бакунин писал о таком земном владыке, который «вдруг возносится в своем воображении, по меньшей мере, на высоту византийского императора и воображает себя призванным быть богом на земле, владыкой всего мира. А возле него церковь... Вечно пресмыкаясь перед царем, она, наконец, так тесно смешала в своих молитвах его имя с именем бога, что удивленные верующие, в конце концов, не знают, кто бог и кто царь»**.

Антитеологизм как философско-религиоведческая критика предполагал и критику метафизики. Удвоение единого в своей материальности мира, считал Бакунин, одна из самых древних и ложных концепций, характерная как для религиозного богословия, так и для «идеалистической метафизики». Различие между первобытным человеком, разрывающим явление на две части — духовную сущность и вещественную оболочку, и идеалистом-метафизиком, делающим то же самое, но в наукообразной, усложненной форме, лишь количественное, но отнюдь не качественное. Следует отметить, что в философских трудах Бакунина термин «метафизика» повсюду употребляется в аристотелевском, но не в гегелевском значении.

По мнению Бакунина, религия и доктринерская метафизика в настоящее время являются наибольшим препятствием в деле освобождения человечества от политической реакции и государственного

* Бакунин М. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. С. 57–58.

** Бакунин М. А. Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 190.

деспотизма. Если теология — это наивная метафизика, то метафизика является утонченной и рационализированной теологией. Предмет приложения у них один и тот же — бог, «вечные истины», религиозный, политический и социальный порядок, санкционированный божественным провидением. Поэтому философская критика религии у Бакунина естественно переходила в критику философии религии, теоретического философского идеализма.

Вместе с тем, в своем негативном восприятии метафизики Бакунин не идет до полного нигилизма, абсолютного отрицания. В его глазах философский идеализм обладает одним несомненным преимуществом, он, в отличие от теологии, в постижении бога стоит на позициях его познания, апеллирует к разуму, силе человеческой мысли. Мышление, таким образом, с одной стороны, опирается на божественное откровение, но с другой — выступает как естественная мысль. Бакунин находит и обоснование такой разорванности мышления, которой придерживается рациональная теология. Он видит его в тайне христианской Троицы. Эта тайна, пишет он, — «тайна Божества, разделившегося на две половины, обе одинаково бесконечные, из которых одна — Бог-Отец, остается в чистых, нематериальных областях, а другая — Бог-Сын, переходит в материю. Кроме того, между этими двумя, разделенными одно от другого, Божествами устанавливаются постоянные отношения, сверху вниз и снизу вверх, и эти отношения, рассматриваемые как единый, вечный и постоянный акт, поддерживаются Святым Духом»*.

Главный порок идеалистической метафизики, ее отличие от опытного и положительного знания, считает Бакунин, это то, что она восприняла от теологии ее способ теоретической организации, методологию творчества. Это метод схождения «сверху вниз», то есть метод построения иерархической церкви и централизованного государства, метод чистой дедукции, идущий от главы пирамиды, идеи бога, к ее основанию — реальному бытию. Идеалисты, пишет он, «вместо того, чтобы, руководствуясь опытом природы, следовать от низшего к высшему, от простого к сложному, от мира, называемого неорганическим, к миру органическому, растительному, животному, а затем человеческому, от материи как химического элемента к материи как живому существу и от живого существа к существу мыслящему, — идеалисты, ослепленные, одержимые и руководимые божественным фантомом, унаследованным ими от теологов, идут как раз обратной дорогой. Они идут от высшего к низшему, от сложного к простому. Они начинают с Бога, как личности или божественной субстанции, и первый шаг,

* Бакунин М. Бог и государство. С. 53.

который они делают, есть страшное падение с высот вечной идеи в ничтожество материального мира; от абсолютного совершенства к абсолютному несовершенству; от мысли к материи, от высшего существа к ничтожеству»*. Бакунин называет этот шаг, толкнувший философский идеализм к абсолютизации методологии «сверху вниз» — «единственной и предательской тайной» трансцендентальной философии.

Определение тайны перехода от высшего бытия к небытию, по словам Бакунина, «предательской» не случайно. Именно ею он объяснял те «теологические и метафизические нелепости, унижающие человеческий разум»: принесение в жертву абсолютному принципу логики и человеческого разума, отказ от науки, служение материальной эксплуатации. Во всех работах Бакунина фактор социально-политический оказывался одним из решающих. Даже в сугубо теоретических построениях, при решении проблем методологии и гносеологии он следовал своей социологической концепции. Социальная направленность его теории очевидна. Идеалисты-метафизики, утверждал Бакунин, хотят служить одновременно и человечеству и богу, знанию и откровению. Они настаивают на соединении этих вещей, которые, однажды разъединившись, не могут быть соединены, не уничтожив друг друга. Ибо, если бог существует, «то он непременно вечный, высший и абсолютный господин», а коли существует такой господин, то человек — раб. А для раба «ни справедливость, ни равенство, ни братство, ни благосостояние невозможны».

Согласно Бакунину, метафизика это не только философский идеализм, под ней он понимал и классический позитивизм О. Конта, Г. Спенсера, Э. Литтре, Д. Милля. Критику контизма и учений близких к Конту мыслителей Бакунин дает главным образом в своем философском приложении к труду «Кнута-германская империя и социальная революция», известном под заголовком «Приложение, философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке» (1870). Более того, метафизика, по суждению русского философа, включает в себя и ряд философско-социальных концепций, отличительным признаком которых выступает их «доктринерский» характер. «Доктринерность», по Бакунину, состоит в том, что на практике осуществляется попытка конструирования такого социального идеала, который соответствует некой теоретической доктрине. Затем «доктринерные революционеры» (включая и марксистов) пытаются все многообразие жизни насильственно ввести в эти жестко очерченные рамки спланированного идеала. Бакунин пишет: «Метафизиками мы называем не только после-

* Там же. С. 13.

дователей учения Гегеля, которых уже немного осталось на свете, но также и позитивистов и вообще всех проповедников богини науки в настоящее время; вообще всех тех, кто, создав себе тем или другим путем... идеал социальной организации, в которой, как новый Прокруст, хочет уложить во что бы то ни стало жизнь будущих поколений (выделено нами. — М. А., А. Д.); всех тех, одним словом, кто не смотрит на мысль, на науку как на одно из необходимых проявлений естественной и общественной жизни, а до того суживает эту бедную жизнь, что видит в ней только практическое проявление своей мысли и своей всегда, конечно, несовершенной науки»*.

Метафизике с ее методом научной и социальной организации, идущей от схемы к жизни, от идеала к действительности, то есть «сверху вниз», Бакунин противопоставляет иной подход, «путь анархический». Другими словами, это стремление исходить из «самой глубины народного существа», это путь создания творческой энергией простого народа новых форм свободной общественности. «Живой конкретно-разумный ход, — пишет он, — это в науке ход от факта действительного к мысли, его обнимающей, выражающей и тем самым объясняющей; а в мире практическом — движение от жизни общественной и возможно разумной организации ее, соответственно указаниям, условиям, запросам и более или менее страстным требованиям этой самой жизни»**.

Анархистская методология научного поиска, по Бакунину, или методология «тотального» материализма, рассматривалась им как орудие философской критики позитивизма. В 60–70-х годах XIX в. эта критика велась по двум основным направлениям: в области проблем гносеологии и в сфере философии политики. К недостаткам позитивистской школы, по мнению Бакунина, относятся следующие: нежелание высказываться по вопросу о первопричине бытия, понимание материи как некоего субстрата реального мира, отказ от прямого и безусловного отрицания веры в сверхъестественное. Наконец, и для Бакунина это является решающим, позитивизм выступает за примирение революции с политической реакцией, являет собой не только философскую теорию, но и политическую школу государственников, проповедующих подчинение принципов свободы принципам власти»***.

* Бакунин М. А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. С. 434.

** Бакунин М. А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. С. 434.

*** См.: Муссеев П. И. Критика философии М. Бакунина и современность. Иркутск, 1981. С. 102.

Все, что существует, Бакунин называет материей. Материя — это «тотальность», то есть многообразие всех возможных форм существования вещей, предметов. Органических тел, свойств и сил, продуктов деятельности мозга в виде фактов индивидуального или общественного сознания. В работе «Ответ одного интернационалиста Мадзини» Бакунин пишет: «Под этим словом *материя* и *материальное* мы подразумеваем **тотальность** (выделено нами. — М. А., А. Д.), всю лестницу действительных, известных и неизвестных существ, начиная с самых простых органических тел и кончая строением и деятельностью мозга величайшего гения: самые возвышенные чувства, величайшие мысли, героические акты, акты самоотвержения, обязанности, как и права, добровольный отказ от своего блага, как эгоизм, все включительно до трансцендентальных и мистических заблуждений <...>»*.

Материя, утверждает Бакунин, не нуждается в Творце, Первопричине, поэтому философская система позитивистов, которая, по сути дела, «исключает возможность существования Бога», является материалистической. Она, следовательно, должна иметь и атеистический характер. Однако позитивисты, начиная с О. Конта, никогда прямо не отвергали возможность существования бога. Бог для них — это одна из гипотез, которая не подвергается проверке, или, по словам Г. Спенсера, «религиозно непознаваемое». Позитивизм утверждает, что для бога и бессмертной души, ежели они существуют, для других идей, переходящих границу известного мира явлений, не может быть места в науке, что они для разума недоступны. В этом Бакунин видит явную уступку теологии, которая также утверждает неспособность разума возвыситься до постижения божественного.

Отказ позитивистов от решения проблемы первопричины Бакунин объясняет двумя моментами: во-первых, их молчание по этому вопросу отражает идеологическую позицию, в этом состоит «консервативный инстинкт» позитивистской философии; во-вторых, в этом выражаются и откровенно политические амбиции сторонников учения Конта. Последний заложил «основы для своей социологической и политической системы, которая, как известно, увенчивается идеей управления массами — фатально-приговоренными, по его мнению, к тому, чтобы никогда не выйти из ненадежного состояния пролетариата — посредством своего рода теократии, состоящей из жрецов, — не религии, но науки, или посредством того небольшого числа избранных людей <...>»**. Элитарность, мания избранничества, характерная

* Бакунин М. А. Избр. философские соч. и письма. М., 1987. С. 525.

** Бакунин М. А. Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // Избр. философские соч. и письма. С. 373.

для последователей позитивизма, не обходила их к признанию тезиса о нужности религии в народной жизни. «Позитивисты, — писал Бакунин в статье “Наука и народ”, — с консервативной точки зрения, без сомнения, правы: религия для народной черни необходима. Так как до сих пор всякое управление народом имело постоянною и непременною целью порабощение народной производительной силы в пользу привилегированного и более или менее праздного меньшинства — в этом ведь именно и состоит вся суть государства, — то всем правительствам необходимо иметь в руках средство для убеждения непросвещенной толпы в необходимости такой жертвы. Средство это может быть только двоякое: или религиозное убеждение, или насилие — или страх божий, или палочный страх»*.

Позитивизм, по словам Бакунина, это не только научная доктрина, но и «политическая и весте с тем священническая секта». Конт считал неспособным простой народ в силу его непригодности к умственному труду к самоуправлению и самоорганизации. Конт, говорил Бакунин, откровенно боялся вызвать своим учением «разрушительные страсти масс». Поэтому его учение столь решительно и отвергалось русским анархистом, который исходил именно из способности народной жизни к движению и саморазвитию, приверженности людей труда к самоуправлению, самоорганизации, саморегламентации. А о себе Бакунин писал: «Я же, не будучи ни позитивистом, ни кандидатом в какое-либо правительство, но являясь франк-революционером-социалистом (вольным, свободным революционером-социалистом. — М. А., А. Д.), не нуждаюсь в том, чтобы останавливаться перед такими соображениями. Значит, я буду бить стекла и постараюсь поставить все точки над «i»**. Эта самооценка Бакунина, идущего до крайних выводов из своей доктрины, отмечается многими исследователями его творчества***. В частности, Дж. Джоул в монографии, посвященной истории и теории анархического движения, в главе «Бакунин и великая ересь», пишет: «Прудон дал большинство из идей, которые вдохновили анархическое движение. Бакунин же был тем, кто явил последующим анархистам пример анархической страсти в действии»****.

* Бакунин М. А. *Философия. Социология. Политика*. С. 134.

** Бакунин М. А. *Философские рассуждения о божественном призраке, о действительном мире и о человеке // Избр. философские соч. и письма*. С. 407.

*** См.: *Боровой А.* Миф о Бакунине. М., 1925; *Драгоманов М. П.* Михаил Александрович Бакунин. Казань, 1905; *Петрищев А. В.* М. А. Бакунин. Пг.; М., 1923; *Берлин П. А.* Апостолы анархии: Бакунин, Кропоткин, Махаев. Пг., 1917, и др.

**** *Joll J.* *The Anarchists*. Cambridge, 1980. P. 67.

Вместе с тем, было бы ошибкой сводить многогранную деятельность Бакунина лишь к апологии действия, к страсти разрушения. Патриарх русского анархизма, он был глубоко общественной личностью. Ему претили как интеллектуальный снобизм позитивистского философа-методолога, так и эгоцентризм анархиста-индивидуалиста. Мировоззрение и духовное состояние Бакунина претерпело внутреннюю эволюцию, оно по сути своей было антидогматическим. Показательным в этом плане выступает его отношение к вопросу о роли социальной практики, соотношении эволюции и революции.

Последние месяцы жизни Бакунина были связаны с его размышлениями о значении нравственного чувства в поступательном процессе человеческого развития. Обращение русского анархиста к этике было неслучайным. Оно обуславливалось в первую очередь его переосмыслением проблемы социальной революции. Высказываясь в пользу приоритета эволюционного пути развития, Бакунин пытался определить и те социальные формы, которые способны были консолидировать общество. Их он находил в нравственности и ее ценностях, коллективистских устремлениях сознания общественного человека. По воспоминаниям А. Рейхеля (одного из друзей Бакунина в Берне, где летом 1876 г. жил и проходил курс лечения русский мыслитель), Бакунин, читая книгу А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», сказал: «Вся немецкая философия исходит из ложного основания, что она берет за основание изолированного человека, а не существо, — принадлежащее к коллективу, как следовало бы делать. Отсюда — большинство философских ошибок»*. Коллективистская этика — вот сфера творческих замыслов Бакунина в это время. Он говорил: «Если я хоть немного поправлюсь, я хотел бы написать этику, основанную на принципах коллективизма, но без философских и религиозных фраз»**. Реализована эта задача была П. А. Кропоткиным и Л. Н. Толстым, на свойственном для каждого из этих русских мыслителей историческом материале.

* Цит по: *Карелин А.* Жизнь и деятельность Михаила Александровича Бакунина. М., 1919. С. 51.

** Там же.